

Дмитрий Барчук:

«Мы не делаем выводов из собственной истории»

Томский писатель первым издал роман, в котором прототип главного героя – Михаил Ходорковский.

К власти и от власти

– **ВООБЩЕ-ТО** в моём романе два главных героя, – возражает Дмитрий Викторович. – Действие происходит в двух временных пластах: в начале XIX века и в наши дни. Фабула такова: после убийства Павла I на трон вступает его сын Александр. Он победил Наполеона, но душа его не находит покоя. Царь выбирает путь покаяния и инсценирует свою смерть. В современной России олигарх Михаил Ланский, банкир и нефтяной магнат, за то, что хотел стать главой государства, по надуманному обвинению попадает в следственный изолятор «Матросская Тишина». Сюжет романа о том, что движет этими неординарными людьми, о том, какова цена шапки Мономаха, и что значат деньги в жизни человека, о том, чем отличается суд земной от суда Божьего.

– **А почему именно «Александрия»?** С таким же успехом эту книгу можно было бы назвать и «Михаилиада», ведь оба героя - равноправные (а современный почти списан с Ходорковского)

– Одним из рабочих названий романа было «Евангелие от Михаила». Но мой внутренний цензор его не пропустил: все-таки евангелие исходит от апостолов, а моему

герою до них далеко, хотя некоторая святость в его облике чувствуется. «Александрия» означает сагу об Александре, но не Македонском, а о русском царе Александре I, оставившем престол и поселившемся в Сибири под именем Фёдора Кузьмича. Чаще бывает наоборот: избранные народом лидеры становятся диктаторами. Именно «неправильность» объединяет моих героев из XIX и XXI века. Ланский – «неправильный» олигарх. У него нет ни вилл, ни замков за границей, он не покупает футбольные клубы, не коллекционирует золотые яйца. Он, как и царь Александр, стремится лишь к одному – самостоятельно принимать решения. Это заводит его на самый верх политической пирамиды. К власти и от власти – на этих встречных потоках мотиваций действий героев и построена книга.

Что касается вопроса о прототипе, можно сказать, что история «ЮКОСа» и его бывшего руководителя послужила лишь побудительным мотивом для написания этой книги. Главный герой похож на Ходорковского, но это не он. У Ланского своя биография, хотя он, как и бывший глава «ЮКОСа», оказавшись в нужное время в нужном месте, ввязался в большую игру. Да и откуда живущему в Сибири сочинителю быть в курсе кремлёвских тайн?

Прошлое придумывают историки

– **С ОЛИГАРХОМ** понятно: Вы придумали свою историю. А с царём как? Это же реальный исторический персонаж. Биография Александра I исследована вдоль и поперек.

— Пришлось погрузиться в ту эпоху, изучить монографии и мемуары современников. Но я не ставил перед собой цель воссоздать весь колорит времени: в романе нет батальных сцен, об Аустерлицком и Бородинском сражениях лишь вскользь упоминается в частных разговорах. Меня интересовали именно те события, которые повлияли на личностное становление моего героя. Невольное соучастие в убийстве отца – императора Павла I, встречи с Наполеоном, конфликты со Сперанским и Кутузовым, семейные неурядицы, триумфальный въезд в покорённый Париж, создание Священного Союза..., естественно, мимо этих моментов в жизни Александра я пройти не мог. Именно события 1812 года – пожар Москвы и изгнание французов – предопределили дальнейшую набожность и религиозность русского царя. Ответы на вызовы современности он стал искать не в реальной жизни, а в Библии. На инсценировку собственной смерти и уход в частную жизнь у него были серьёзные мотивы.

– **И вы всерьёз считаете, что царь Александр I и старец Фёдор Кузьмич одно и то же лицо?**

– Я не буду перечислять аргументы сторонников этой версии. Их накопилось достаточно, и желающие могут легко ознакомиться с ними по специальной литературе. Я – беллетрист, а не исследователь. Меня интересует мотивация поступков героев, а не строго исторические факты. Александр Дюма говорил, что история – это гвоздь, на который можно повесить любую картину. Запутанная и неразгаданная до конца судьба царя-старца даёт прекрасный материал для игры воображения.

Начнём с Таганрога, где, по официальной версии, в ноябре 1825 года умер Александр I. По странному стечению обстоятельств в этом же месяце здесь трагически гибнут два человека, очень похожие на царя. Это фельдъегерь Масков, упавший с лошади и ударившийся головой о камень, и унтер-офицер Струменский, которого, якобы за побег, забили насмерть шпицрутенами. Удивительное совпадение! Чем не материал для новой «Железной маски»? Я предлагаю свою версию этих событий и не скрываю, что всё выдумал, но так на самом деле могло быть.

Для второго романа («Александрия-2»), который через месяц появится в книжных магазинах, я выбрал в качестве эпиграфа афоризм читателя «Аргументов и Фактов»: «Будущее придумывают фантасты, а прошлое историки». Ещё одна загадка царя-старца: где он пропал одиннадцать лет прежде, чем объявился осенью 1836 года в Красноуфимске? Изучив меняющуюся, подвижную личность императора, я не могу поверить, чтобы он, не достигнув ещё и 50-летнего возраста, даже с учётом его набожности, столько времени провёл в монастыре. Существует версия о том, что он отправился в Тибет. Я беру её на вооружение и отслеживаю его маршрут.

Если он отплыл из Таганрога на английской яхте, куда бы в первую очередь направился бывший, очень набожный, монарх? Естественно, в Иерусалим. А что интересного происходит в это время в восточном Средиземноморье? Греция борется за независимость против Османской империи, египетский паша вынашивает планы сепаратистского бунта против сюзерена. Я не могу поверить, что Александр I не заглянул на остров Святой Елены и не посетил могилу своего блистательного врага – Наполеона. Дальше Индия, где всюду орудует Ост-Индская компания, поработавшая эту некогда великую и богатую страну. Остров в океане. Кокосовые пальмы, белый песок, гогеновские женщины с бронзовой кожей... – не улыбайтесь полету авторской фантазии. Доказан исторический факт, что в период с 1897 по 1902 год в Сингапуре появился очень старый человек, выдававший себя за сына русского царя Александра I. И, если бы тамошние жители относились к этой истории с таким же трепетом, как томичи, там бы тоже увековечили места его пребывания. Это был святой человек.

– **Неожиданный взгляд на старца, причисленного церковью к лику святых.**

– Это на самом деле был святой человек, преодолевший собственную гордыню. Но прежде, чем стать таким, он прожил бурную, наполненную страстями и катаклизмами жизнь. В центре моего повествования – сильная, неординарная личность, мятущаяся, пытающаяся постичь смысл бытия. Его душа устремлена к Богу, но он всё равно человек. Фёдор Кузьмич в беседах с сибиряками не раз подчеркивал, что он – не монах. Его светская натура проявляется во многих эпизодах, которые разнесла народная молва, нет смысла их перечислять.

В моём романе сибирская жизнь старца представлена несколько иначе, чем в легендах о нём. Зимой 1858-1859 года в Томске одновременно жили Михаил Бакунин, Григорий Потанин и старец Фёдор Кузьмич. Первые двое встречались, Бакунин даже нашёл для Потанина деньги, чтобы тот мог поехать на учебу в Петербург. И, хотя молодые люди не замечали дряхлого старика, то сам старец, если он был когда-то русским царем, не мог не проявить интереса к тому, кто был вице-президентом Саксонской республики. Томск в ту пору был маленьким городом. Каждый новый человек оказывался на виду. Фёдор Кузьмич и Михаил Александрович в одно и то же историческое время ходили по одним и тем же улицам. Они просто не могли не встретиться. И не забывайте, что к тому времени народная молва уже распространила слух, что старец очень похож на Александра I.

Сиреневый туман над нами проплывает?

– ОЧЕНЬ любопытно. А как вы это соотносите с современностью?

– За бурной Александровской эпохой наступило тридцатилетнее правление Николая I – последнего «Дон Кихота» самодержавия. Он занимался тем, что удерживал доставшуюся ему в наследство империю от развала. Разгром декабристов, усмирение «своей» Польши и австрийской Венгрии, поражение в крымской войне – неполный перечень его деяний. Николай Павлович боялся демократических реформ, игнорировал их, тем самым не излечивая болезнь, а загоняя её внутрь. В результате перед смертью разглядывал в телескоп английские линкоры на кронштадтском рейде.

Реформы его сына – Александра II, и, прежде всего, отмена крепостного права, были осуществлены с таким опозданием, что вылились в кровавые революции, репрессии и войны. Сейчас в кино, на телевидении, в газетах заново создается миф о сильной и процветавшей царской России. Но если там всё было так здорово и хорошо, то почему же в нашей стране произошла революция?

Как бы ни было тяжело, надо принимать вызовы современного глобального мира и стараться вернуть себе лидерство в нём, а не в надуманной патриархальной старине. В моём романе судья, несмотря на давление со стороны властей, выносит олигарху оправдательный приговор. Так велит ей гражданский и профессиональный долг (согласитесь, что этот эпизод выглядит сейчас почти фантастическим). Правда, Ланского по новому обвинению осудят на десять лет лишения свободы в колонии-поселении (отправить своего героя в лагерь рука не поднялась). В романе суд оказался гуманнее, чем в жизни. Герой отсидит положенный срок, выйдет на свободу и станет одним из лидеров оппозиции. А потом «сиреневая революция» и... об этом лучше прочтите сами в моих новых романах.

Соломон ВЫГОН

Аргументы и факты. 2005. № 26 (Июнь). С. 3. Прил. «Аргументы и факты. Томск».